

М.Е. Абдрахим^{1*} , А. Моррисон²

¹Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

²Нью Колледж, Оксфордский университет, Великобритания, г. Оксфорд

*e-mail: abdrakhim_91@mail.ru

КАЗАХСКОЕ ЧИНОВНИЧЕСТВО В СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ КОЛЛАБОРАЦИИ Р. РОБИНСОНА

В данной статье рассматриваются особенности казахского чиновничества, сложившиеся во второй половине XIX – начале XX века в Семиреченской области в контексте «теории коллаборации» известного английского историка Рональда Робинсона. На основе архивных, устных и историографических материалов были широко рассмотрены научные суждения данной теории, проанализированы их отражения в аппарате местного управления Семиреченской области. Были определены общие закономерности и отличия теории коллаборации Р. Робинсона по отношению к службе, деятельности казахских чиновников Семиреченской области, которые служили царской власти. Особенно были отмечены характер сотрудничества местных чиновников, система поощрения и личные мотивы казахских чиновников на примере доводов, приведенных Р. Робинсоном.

Кроме того, сравнительный анализ и системность, общенаучные и исторические принципы, составляющие методологическую основу данной статьи, повысили актуальность и определили сложность проблемы, а также отметили прикладное значение настоящего исследования в изучении взаимоотношений империи с колонией.

В конце статьи на основании полученных результатов был определен уровень применимости научных суждений теории коллаборации по отношению к казахскому чиновничеству в Семиреченской области.

Ключевые слова: теория коллаборации, казахское чиновничество, Семиреченская область, казахские чиновники, чиновник, чин, награда.

M.Ye. Abdrakhim^{1*}, A. Morrison²

¹Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

²New College, Oxford University, United Kingdom, Oxford

*e-mail: abdrakhim_91@mail.ru

Kazakh officialdom in the Semirechensk Oblast in the context of R. Robinson's theory of collaboration

This article examines the features of Kazakh officialdom that formed in the second half of the XIX – early XX century in the Semirechensk oblast in the context of the “Theory of collaboration” by the famous English historian Ronald Robinson. On the basis of archival, oral and historiographical materials, the scientific judgments of this theory were widely considered, and their reflections in the apparatus of the local government of the Semirechensk region were analyzed. The general regularities and differences of the theory of collaboration in relation to the service, and the activities of Kazakh officials of the Semirechensk region, who served the tsarist government were determined. The nature of cooperation of local officials, the system of encouragement and the personal motives of Kazakh officials were especially noted in the example of the arguments given by R. Robinson.

In addition, comparative analysis and consistency, general scientific and historical principles that form the methodological basis of this article, have increased the relevance and determined the complexity of the problem, and also noted the applied importance of this study in the study of the relationship of the empire with the colony.

At the end of the article, based on the results obtained, the level of applicability of scientific judgments of the theory of collaboration in relation to the Kazakh bureaucracy in the Semirechensk region was determined.

Key words: Theory of Collaboration, Kazakh officialdom, Semirechensk oblast, Kazakh officials, official, rank, award.

М.Е. Абдрахим^{1*}, А. Моррисон²

¹Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Қазақстан, Алматы қ.

²Нью Колледж, Оксфорд университеті, Ұлыбритания, Оксфорд қ.

*e-mail: abdrakhim_91@mail.ru

Р. Робинсонның коллаборация теориясы негізіндегі Жетісу облысындағы қазақ шенеуніктігі

Бұл мақалада ХІХ ғасырдың екінші жартысы мен ХХ ғасырдың басында Жетісу облысында қалыптасқан қазақ шенеуніктігінің ерекшеліктері белгілі ағылшын тарихшысы Рональд Робинсонның «Коллаборация теориясы» контекстінде қарастырылады. Мұрағаттық, халық ауыз әдебиеті және тарихнамалық материалдар негізінде осы теорияның ғылыми пайымдаулары кеңінен қарастырылып, олардың Жетісу облысының жергілікті басқару аппаратында көрініс табуы талданды. Жетісу облысының басқару жүйесінде патша өкіметіне қызмет еткен қазақ шенеуніктерінің қызметіне қатысты коллаборация теориясының жалпы заңдылықтары мен айырмашылықтары анықталды. Р. Робинсон келтірген дәлелдер мысалында жергілікті шенеуніктердің ынтымақтастық сипаты, марапатталу жүйесі және қазақ шенеуніктерінің жеке уәждері ерекше атап өтілді.

Сонымен қатар осы мақаланың әдіснамалық негізін құрайтын салыстырмалы талдау мен жүйелілік, жалпы ғылыми және тарихи принциптер мәселенің өзектілігін арттырып, күрделілігін анықтады, сонымен қатар империяның отармен қарым-қатынасын зерттеудегі осы зерттеудің қолданбалы маңыздылығын атап өтті.

Мақала соңында алынған нәтижелер негізінде Жетісу облысындағы қазақ шенеуніктеріне қатысты коллаборация теориясының ғылыми пайымдарының қолданылу деңгейі анықталды.

Түйін сөздер: коллаборация теориясы, қазақ шенеуніктігі, Жетісу облысы, қазақ шенеуніктері, шенеунік, шен, марапат.

Введение

Современная историческая наука старается ответить на важные вопросы проблемы империализма в мире. С этой целью его особенности, четкие критерии и механизмы в настоящее время подвергаются всесторонним исследованиям с позиции разных гуманитарных наук. А проблема взаимоотношения империяльных государств и их колоний изучается многими учеными и ими предпринимаются всякие попытки научно обосновать определенные механизмы в их отношениях.

Здесь, с научной точки зрения, одной из таких актуальных тем исследования является взаимоотношения колониального аппарата и представителей местной администрации, которые были инкорпорированы в общее уславленное устройство. Так одним из таких исследователей, кто пытался объяснить как строились отношения представителей империи и «местной» администрации был известный английский историк Рональд Робинсон (1920-1999). Ученый Р. Робинсон в своей «теории коллаборации» показывает механизмы взаимодействия имперской власти с местными элитами, так называемыми «коллабораторами» (Robinson, 1972). Сразу стоит отметить, что Робинсон при определении «Теории коллаборации» прежде всего рассматривал британский и французский империализмы. Тем

более акцент он сделал на экономические аспекты коллаборации. Соответственно его примеры империй и их колоний были направлены на обозначение механизмов деятельности посредников Англии и Франции в эпоху империализма с точки зрения сначала экономических, потом уже политических отношений. Но, тем не менее, отдельные моменты его заключения, в частности, утверждения по административно-политическим элементам, можно использовать по отношению и к другим империям и их колоний.

Для отечественной исторической науки важно определить принципы механизма участия казахов в административных делах Российской империи. Данный вопрос все еще требует комплексного изучения с использованием разных методов и подходов. Рассмотрение таких проблем в контексте новых теорий империализма является очень актуальной темой.

Цель и задачи исследования

В данном исследовании нами была поставлена цель обозначить суждения Робинсона о «коллабораторах» на примере казахских чиновников Семиреченской области – одной из административных единиц Российской империи второй половины ХІХ – начала ХХ веков.

С целью выявления определенных механизмов казахского чиновничества Семиреченской

области согласно «теории коллаборации» Рональда Робинсона мы рассмотрим следующие актуальные вопросы: кто такие коллабораторы? Какие функции они выполняли для империи? Какие приемы были использованы империей по отношению к своим коллабораторам и колониям? На эти и другие вопросы империализма в условиях Семиреченского казахского чиновничества попытаемся найти научные ответы и объяснения.

Методология проблемы

Главной методологической базой данного исследования выступил компаративный анализ. С помощью данного метода были сопоставлены утверждения Р. Робинсона с элементами казахского чиновничества в Семиреченской области. Были определены как общие закономерности, так и отличия в сравнениях, и приведены конкретные примеры. Данный подход способствовал анализировать данную проблему с другого – нового ракурса.

Также в исследовании сохранены принципы историзма и системный подход. Если первый из них помог изучать проблему в развитии и с учетом конкретной ситуации, то второй – предоставил возможность рассмотреть проблему системно, целостно, что в итоге помог достичь определенных результатов исследования.

Обсуждение

Научные утверждения историка Рональда Робинсона об империализме всегда пробуждали большой интерес со стороны исследователей империологии. Его теория о местных коллабораторах также вызвала дискуссию в гуманитарной науке.

По проблеме историографии данной темы правильно будет, если рассмотреть степень изученности этой проблемы с двух ракурсов. Первое, обратимся к моментам использования теории коллаборации Р. Робинсона в целом по истории империализма в работах разных ученых. Затем, второе, рассмотрим конкретно историографию теории коллаборации в контексте казахского чиновничества в Семиреченской области.

Так, согласно первому пункту, одним из первым кто обратил внимание на его теорию был Колин Ньюбэри. Его научный труд (Newberry, 2000: 227-263) ищет ответ на вопрос как европейские чиновники могли так долго управлять

многими обществами на дальних расстояниях. В своих рассуждениях ученый анализируя множество фактов отношения Европейской имперской власти с неевропейскими колониями, в частности, с правящими элитами управляемых народов, констатирует, что их взаимодействие носило симбиотический характер. Каждая из сторон имели свои определенные цели: если колонизаторы, естественно, хотели укрепить свою власть через представителей «местной элиты», то последние были заинтересованы в сохранении своих династических линий и получении экономических выгод от данного взаимоотношения. И в такой ситуации были отображены позиции автора относительно использования термина «коллаборация». Он утверждал, что будет лучше если называть такие взаимоотношения «патроно-клиентскими», а не «коллаборацией», так как термин, введенный Р. Робинсоном не совсем четко отображает характер вышеназванных связей и не соответствует всем империальным структурам.

Ученый Лоу Винг Санг также в своей книге «Collaborative Colonial Power: The Making of the Hong Kong Chinese» использует теорию коллаборации Рональда Робинсона. Он предоставляет альтернативный объектив для изучения истории Гонконга, отказываясь от обычных колониальных и националистических интерпретаций. Опираясь на английские и китайские источники, он утверждает, что с ранней колониальной эпохи колониальная власть широко распределялась между колонизаторами и китайцами, которые решили работать с ними. Для объяснения такой связи между местными и колонизаторами автор приводит примеры из теории Р. Робинсона (Law, 2009: 276).

Другой ученый Винсент Хирибаррен в своей работе по проблеме образования колониального знания ссылается на теорию Р. Робинсона. В частности, автор изучая коллаборацию местной элиты маленького королевства Борно (которая позже была включена в состав Нигерийского протектората) с английской колониальной властью, особенно выделяет роль коллабораторов в формировании «безупречной» истории Борно. Он утверждает, что без помощи местных посредников колониальной власти невозможно было создать картину истории подвластной ей Борно (Hiribarren, 2013: 77-98).

А вот по проблеме историографии теории коллаборации Р. Робинсона в контексте казахского чиновничества в Семиреченской области можно отметить нижеследующие работы.

Так в исследовании Александра Моррисона о переселенцах в Туркестанском генерал-губернаторстве автор использует утверждение, предложенное Р. Робинсоном. В частности, Рональд Робинсон описывает «белых колонистов» как «идеальными коллабораторами, готовыми к сотрудничеству», которые должны были перенести на колонию свои «европейские взгляды и институты, заложенные в его голове» (Robinson, 1972: 124). А ученый А. Моррисон использует данную формулировку по отношению к переселенцам, утверждая, что их присутствие, по крайней мере на начальном этапе, значительно способствовало укреплению имперского контроля в регионе (Morrison, 2014: 19).

Также в исследовательской работе Тетсу Акияма (Akiyama, 2015: 625-649), посвященной роли киргизских манапов в колониальной администрации, описываются взаимоотношения имперской власти и представителей местных элит. Автор рассмотрел деятельность «интеллектуалов» и представителей традиционной местной элиты, называет их «коллабораторами» между царской властью и местным населением и обращает внимание на недостаточное изучение роли последних. Акияма описывает как колониальный аппарат управления рассматривал манапов в качестве посредников, признавал их как местную элиту, но в то же время не включал их в официальное дворянство. Именно поэтому, по мнению автора, манапы могли быстро переходить от «коллаборатора» к противнику, поскольку не было их полной интеграции в единое управленческое звено. Также его статья широко рассматривает взаимоотношение манапов с местной администрацией, их позиции по отношению друг к другу и мотивы их сотрудничества и проводит параллели с деятельностью казахских султанов Семиреченской области в условиях колониализма.

Вопросы казахских «коллабораторов» были рассмотрены еще в исследованиях Изабель Охайон (Ohaion, 2015: 621-624). Автор в своей исследовании рассматривает как представители местного народа сотрудничали с колонизаторами и были посредниками. Также И. Охайон обращает внимание на то, как они обрели определенные политические силы и позже стали трансформироваться в национальные движения и интегрироваться в Коммунистическую партию КазАССР.

А вот исследование Иана Кэмпбелла (Campbell, 2017: 273) о казахских посредниках также рассматривает «коллаборативную» дея-

тельность казахских правящих элит в колониальном аппарате. Автор указывает на обстоятельства выбора, по которым посредники делали свои жизненные выборы и шли на коллаборацию в Казахской степи. Также он отмечает, что в коллаборации большую выгоду получала, безусловно, колониальное управление.

Результаты исследования

Прежде всего, при рассмотрении данной проблемы следует отличать значение слова «коллаборация» от термина «коллаборационизм», последний который используется более в негативном значении. Следовательно, в этом вопросе будем отталкиваться от той позиции, при которой термин «коллаборация» будет использован как процесс совместной деятельности в какой-либо сфере двух и более людей или организаций для достижения общих целей, при которой происходит обмен знаниями, обучение и достижение согласия (консенсуса).

С другой стороны, сам автор теории в своей работе сразу же указывает свое отношение к данному термину. Он отмечает, что слово «коллаборация» ни в коем случае не употребляется в уничижительном значении (Robinson, 1972: 120).

И так, по мнению Робинсона, он в своих работах пытается избегать евроцентрических взглядов классических теорий империализма, которых автор называет как «старыми». Именно поэтому он предлагает новое научное объяснение – «теорию коллаборации», согласно которой в качестве коллабораторов выступают местные влиятельные элиты, землевладельцы, торговцы или другие посредники. Они играли немаловажную роль в взаимоотношениях колонизаторов и колоний (Robinson, 1972: 117). Такая практика была использована и в казахской степи. Российская империя включила в свои аппараты управления представителей местных населений. На протяжении XIX века в казахском обществе уже начали появляться свои «коллабораторы», которые служили в составе административных управлений. Они формируя новую сословию в Степи выполняли медиаторскую роль в регионе (Султангалиева, 2016: 71). Здесь и Семиреченская область, как составная часть Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи, не осталась в стороне, где образовалась своя «коллаборативная группа».

Они занимали определенные должности в управленческих делах области, согласно «Таб-

лю о рангах» Петра I. Так их чиновничий корпус Семиреченской области был звеном соединяющее власть Российской империи и население региона. Такое отношение «местных администраторов» с имперской властью также объясняется в научных суждениях английского историка. При представлении данной теории Рональд Робинсон определяет империализм как процесс установления более сильными обществами своих влияний и контроля над менее слабыми обществами путем разных стратегических приемов, как «долларовая» или «канонерная» («оружейная» – авторы) дипломатия, идеологическое убеждение, завоевание и правление, или же назначение в колонии «своих людей». Естественно, цель здесь одна, и она состоит в том, чтобы изменить подчиненное общество и построить ее под свои интересы (Robinson, 1972: 119). Здесь историк Робинсон также отмечает роль местных посредников, без сотрудничества с которыми невозможно представить укрепление имперической власти. Потому что управленческие механизмы империй были построены на отношениях субъектов внешней экспансии и внутренними коллабораторами. При этом, их отношения имели как добровольный, так и принудительный характеры. Сотрудничества с такими посредниками-коллабораторами позволяло империям получать определенных экономических ресурсов, защищать своих стратегических интересов и снять напряжения ксенофобных настроений местного населения к изменениям в обществе. В качестве яркого примера этому автор приводит роль сипаев в Британской Индии, то есть наемных солдат, рекрутировавшихся европейскими колонизаторами, чаще всего англичанами, из числа местного населения в XVIII-XX вв.

А в Семиреченской области местные коллабораторы будучи администраторами региона также способствовали продвижению российской колониальной власти. Пусть и не в таком масштабе как индийские сипаи, тем более в военном отношении, но все таки местные чиновники принимали определенное участие в имперской политике. В материалах Центрального государственного архива Республики Казахстан (далее – ЦГА РК) можно найти примеры к таким деятельности чиновников Семиреченской области. Так, например, в деле №1211 ЦГА РК есть сведения о том, что подпоручик милиции Кутан Султанбеков в своем обращении к императору Николаю II пишет: «При завоевании здешнего края мой отец и я оказывали содействие войскам к занятию края и утверждению населения в под-

данство Вашему императорскому Величеству» (ЦГА, Д. 1211: 2). Это как раз доказывает то сотрудничество, которое было описано Робертсоном. Кроме того, таких примеров в архивных материалах можно найти достаточно, особенно, в прошениях казахских чиновников разного ранга вышестоящим администраторам, где они сами указывают на подобные факты. Именно в таких и случаях хорошо приводится другое определение Робертсона, который утверждает, что военная и административная силы империализма также состоят из сотрудничества с представителями правящей элиты народа, которую они захватили (Robinson, 1972: 120).

Здесь есть один момент, которого нужно принять во внимание. Как правило, все вышеназванные прошения казахских чиновников имеют субъективный характер. То есть они в таких своих прошениях, где рассказывают о своих заслугах перед правительством, повествуют о том, что хотят донести до колониального аппарата. А в действительности, объективность может и не соответствовать реальным масштабам их действий. Следовательно, такие моменты не дают полное право утверждать, что все местные чиновники были проводниками российской колониальной власти. Однако, если учесть то, что все казахские чиновники, будучи служащими царской административной власти, служили правительству Российской империи, то можно заключить, что они все в определенной степени способствовали продвижению имперской власти.

С другой стороны, не стоит забывать о неоднозначной роли казахских коллабораторов в системе царского управления. Например, если отдельные группы волостных управителей подверглись нападению местного народа за представительство колониальной власти, то другая группа волостных управителей были в одном ряду с повстанцами. Из этого следует отметить, что коллаборация была в значительной степени прагматичным выбором отдельного казахского чиновника.

Также ученый Робертсон в своей исследовательской работе отмечает, что империи для того чтобы управлять колониями, при этом используя небольшие военно-административные ресурсы и сохраняя в регионе свои влияния, всегда искали альтернативные варианты сотрудничества с местными элитами. С этой целью колонизаторы создавали внутри общества отдельные группы местных элит. Эти «небольшие современные элиты коллабораторов» были наделены опре-

деленными компетенциями. Кроме того колониальный режим изменил контексты в котором работали местные правящие элиты (Robinson, 1972: 133). Данное суждение автора можно применить и по отношению к чиновникам Семиреченской области. Потому что с привлечением в управленческие дела и представителей казахского народа появился уже новый тип элиты. Число по-европейски образованных казахов увеличилось, появилась некая волна образованных чиновников, которые получили свои знания в русско-казахских школах, гимназиях, медицинских и реальных училищах, разных учительских семинариях и др. Некоторые из них смогли даже получить высшее профессиональное образование в университетах и других высших учебных заведениях.

Изменился также типичный характер местных правителей. Теперь чиновники имели разные социальные происхождения: наравне с представителями богатых родов казахского народа, выходцы из простых семей имели право служить российской имперской власти (Удербоева, 2014: 171). Здесь стоит отметить, что те, кто шли служить имперской политике имели свои определенные мотивации. Например, переводчик туземных наречий при Семиреченском областном правлении Турдыбек Сыртанов, как указал в своем прошении, поступил на государственную службу по следам своих отцов и дед. Вот так он описывает свои доводы: «Отцу моему Сыртану Бокину, как потомку рода найман, в коем родоначальниками были мои деды и прадеды, бывшими военным губернатором генералом Колпаковским и уездным начальником полковником Реинталем, лично знавшими отца моего, был дан совет обучать своих детей, дабы сделать из них ревностных и верных слуг Белому Царю и через это укрепить окончательно в роде найман веру Престолу и Отечеству, последствием чего было то, что я и брат мой были помещены сперва для обучения русской грамоты в гор. Копал, куда по совету упомянутого выше Реинтала, для нас была доставлена юрта моим отцем, а затем мы были помещены во вновь устроенный Копальский киргизский пансион, а оттуда определены Генералом Колпаковским, лично в Копале экзаменовавшим нас, первыми воспитанниками из киргиз в Верненскую мужскую гимназию» (ЦГА РК, Д.1804: 25). А другой переводчик, губернский секретарь Сатылган Сабатаев, который немало лет трудился в разных ведомостях Семиреченской области, был выходцем из простой семьи из аула №7 Большой Алматинской

волости Верненского уезда. Для него путь в чиновничий аппарат был нелегким: рано потерял родителей, познал нужду, но благодаря своим природным способностям, старанию, и стремлению к знаниям достиг определенных должностей в управлении (Удербоева, Деятельность...). Из приведенных таких фактов становится очевидно, что стремления к должности были у некоторых казахов, как в случае с Турдыбеком Сыртановым, на уровне подсознания: они хотели быть правителями как свои предки и продолжить их путь. А для других казахов, выходцев из простых семей, это был как «социальный лифт» и давал возможность самореализоваться. Как яркий пример последнему утверждению можно отнести случай с Сатылганом Сабатаевым. И самое главное, в материалах архивных документов фонда «Семиреченского областного правления» ЦГА РК подобных примеров можно встретить предостаточно.

Однако, стоит добавить, что несмотря на то, что уже в регионе образовалась элита из казахского народа, по утверждению историка Г.С. Султангалиевой, «региональные власти строго контролировали деятельность и ограничивали претензии традиционной верхушки» (Султангалиева, 2009: 98).

Следующим элементом взаимодействия империй с коллабораторами, по мнению историка Робинсона, был метод поощрения своих посредников. Для поддержания постоянного контроля в колониях эта система была очень продуктивной политикой империй. Данные поощрения осуществлялись в виде наград, контрактов, определенных льгот и услуг, которые могли быть оказаны представителям местной администрации со стороны имперских правительств (Robinson, 1972: 133). Именно таким образом колониальные управления могли сохранять устойчивый контроль в регионе в политико-экономическом плане.

Такая система награждения посредников, в нашем случае, казахских чиновников Семиреченской области проводилась очень активно, в принципе, как по всей Казахской земле. В материалах архивов имеются множество документов свидетельствующих о фактах награждения казахских должностных лиц. Данная политика в Российской империи считалась стратегически важной и согласно этой системе казахи, которые занимали должности в управленческих делах, «получали все атрибуты чиновника административного аппарата Империи: казенное жалование, офицерские чины, право ношения мундира

и знаков отличия, награды и подарки» (Султангалиева, 2016: 71).

Основания для награждения коллабораторов Казахской степи были разные: от простых поощрений по поимке преступников в регионе до вклада в проведение в стране стратегическую политику. И все они имели ярлыки «За усердную службу». В истории примеров награждения казахских чиновников Семиреченской области царской властью множество. И в работе С.К. Удербаяевой хорошо отражены такие факты (Удербаяева, 2014: 172-173).

Следующим интересным суждением «теории коллаборации» Рональда Робинсона является то, как автор объясняет характер коллаборации в колониях. Приведя в пример Индию и Африку до 1947 года, автор утверждает, что в этих регионах были много коллабораторов в период империализма. Данные посредники были разного рода: одна часть активная, а большинство – пассивная; одна часть – современная, а другая – традиционная элита; кто-то – действовали в центральных районах, другие – были в провинциях; кто-то преследовал коммерческие цели, а другие – административные, религиозные или просветительские цели. Здесь, не стоит забывать, что данные описания коллабораторов приведенные Робинсоном не совсем четко описаны и поэтому в какой-то мере все вышеприведенные особенности посредников можно отнести и к казахским чиновникам как Семиреченской области, так и всей Казахской земли.

Кроме того, Рональд Робинсон в своей теории описывает секрет успешности европейского империализма. По его мнению, такой секрет лежит в разнообразии выборов и комбинаций империй. Он также более конкретизируя принцип «разделяй и властвуй», обозначил истинную причину успешности европейского империализма. Ученый Робинсон считал, что империализм достиг больших успехов благодаря тому, что он разделил свои субъекты на разные социальные группы, которые не смогли уже быть едиными.

В Семиреченской области такие тенденции имели место, однако немножко в другой форме. Здесь если отдельные представители казахского народа вступали в сотрудничество с колониальной властью и получали определенные должности, то народные певцы, акыны-импровизаторы были категорически против такого рода коллаборации. В материалах устного народного творчества встречаются множество моментов, когда литераторы выступают против царизма, высме-

ивают и критикуют казахских коллабораторов (Абдрахим, Особенности...). Так образовалась некая раздробленность внутри общества, которая была описана в «теории коллаборации» Р. Робинсона.

Еще одним разделением в данном регионе, как по всей Казахской степи, были фракционность и партийность общества. Особенно это разделение было у волостных управителей. Каждый род пытался выбрать волостным своего представителя и тем самым, получая от этого какие-то выгоды для себя. И это породило массу недовольств, фальсификаций и враждебность в ходе избрания данных должностных лиц. Такое общественное разногласие было результатом инициативы российской царской власти о «выборном начале» местных населений (Удербаяева, 2017: 282). Конечно, здесь стоит отметить, что данное разделение было непреднамеренной политикой Российской империи. Они просто вводили практику, которая была распространена среди крестьян в Европейской России, и мы полагаем, что они просто не предвидели такие последствия.

Заключение

Таким образом, в заключении можно констатировать, что сама «Теория коллаборации» Рональда Робинсона интересна для обозначения механизмов сотрудничества имперской власти с местными правящими элитами. Также она актуальна и по отношению к казахским чиновникам Семиреченской области, так как некоторые части суждения ученого об административном и политическом сотрудничестве отражают суть кооптации казахских должностных лиц в царской администрации.

Несомненно, мы не считаем, что данная теория универсальна для объяснения механизмов сотрудничества местных чиновников с колониальной властью, однако, предлагаем данную теорию рассмотреть как один из методов объяснения сотрудничества казахских правящих элит с властью Российской империи.

Кроме того, так как казахи служили в царской власти, преимущественно, в административно-гражданской сфере колониального управления, они не были вовлечены в экономических интеграциях с империей. Поэтому отдельные рассуждения Робинсона о коллабораторах только в политико-административном плане имели схожие элементы в казахском чиновничестве Семиреченской области.

Статья подготовлена в рамках проекта «Гуземная» администрация Туркестанского генерал-губернаторства (II половина XIX – начало XX вв.): сравнительный анализ практик мировых империй» (ИРН: АР15473351) МНВО РК

Литература

- Akiyama T. (2015). Why was Russian direct rule over Kyrgyz nomads dependent on tribal chieftains “Manaps”? *Cahiers du Monde russe*, Vol. 56, No. 4, *Médiateurs d’empire en Asie centrale (1820-1928)*, pp. 625-649.
- Campbell I. (2017). *Knowledge and the ends of empire: Kazak intermediaries and Russian rule on the steppe, 1731-1917*. Ithaca: Cornell University Press. 273 p.
- Hiribarren V. (2013). *A European and African Joint Venture: Writing a Seamless History of Borno (1902–1960)*. *History in Africa*, Vol. 40, pp. 77-98.
- Law W.S. (2009). *Collaborative Colonial Power: The Making of the Hong Kong Chinese*. Hong Kong University Press, HKU, 276 p.
- Morrison A. (2014). Peasant Settlers and the ‘Civilizing Mission’ in Russian Turkestan, 1865–1917, *the Journal of Imperial and Commonwealth History*. 31 p.
- Newbury C. (2000). Patrons, Clients, and Empire: The Subordination of Indigenous Hierarchies in Asia and Africa. *Journal of World History*, Vol. 11, No. 2, pp. 227-263.
- Ohayon I. (2015). Foreword: Mediators of the Empire in Central Asia (1820-1928). *Cahiers du Monde russe*, Vol. 56, No. 4, *Médiateurs d’empire en Asie centrale (1820-1928)*, pp. 621-624.
- Robinson R. (1972). Non-European foundations of European imperialism: sketch for a theory of collaboration. *Studies in the theory of imperialism*. London: Longman, p. 117-142.
- Абдрахим М.Е., Тулешова У.Ж. (2019). Вопросы «чина» и наград Российской империи в казахском устном народном творчестве // <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1277>
- Султангалиева Г.С. (2009). Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX) // *Acta Slavica Iaponica*, Tomus 27, pp. 77–101.
- Султангалиева Г.С. (2016). Младшие чиновники особых поручений в системе административного управления Казахской степью во второй половине XIX в.: чины, функции и направления деятельности // *Вестник КазНПУ. Серия «Исторические и социально-политические науки»*, №1 (48). С. 71-75.
- Удербаета С.К. (2014). Интеграция казахских чиновников в административный аппарат управления Российской империи (XIX-XX вв.) // *Доклады Национальной академии наук Республики Казахстан*. №3. С. 171-175.
- Удербаета С.К. (2016). Деятельность и полномочия казахского чиновничества Туркестанского генерал-губернаторства // <http://edu.e-history.kz/en/publications/view/543>
- Удербаета С.К. (2017). Особенности социального положения волостных управителей Семиреченской области. *Вестник Национальной академии наук Республики Казахстан*. № 3. С. 277-285.
- ЦГА РК.Ф. И-44. ОП.1. Д. 1211.
- ЦГА РК.Ф. И-44. ОП.1. Д. 1804.

References

- Morrison A. (2014). Peasant Settlers and the ‘Civilizing Mission’ in Russian Turkestan, 1865–1917, *the Journal of Imperial and Commonwealth History*. 31 p.
- Newbury C. (2000). Patrons, Clients, and Empire: The Subordination of Indigenous Hierarchies in Asia and Africa. *Journal of World History*, Vol. 11, No. 2, pp. 227-263.
- Campbell I. (2017). *Knowledge and the ends of empire: Kazak intermediaries and Russian rule on the steppe, 1731-1917*. Ithaca: Cornell University Press. 273 p.
- Ohayon I. (2015). Foreword: Mediators of the Empire in Central Asia (1820-1928). *Cahiers du Monde russe*, Vol. 56, No. 4, *Médiateurs d’empire en Asie centrale (1820-1928)*, pp. 621-624.
- Robinson R. (1972). Non-European foundations of European imperialism: sketch for a theory of collaboration. *Studies in the theory of imperialism*. London: Longman, p. 117-142.
- Akiyama T. (2015). Why was Russian direct rule over Kyrgyz nomads dependent on tribal chieftains “Manaps”? *Cahiers du Monde russe*, Vol. 56, No. 4, *Médiateurs d’empire en Asie centrale (1820-1928)*, pp. 625-649.
- Hiribarren V. (2013). *A European and African Joint Venture: Writing a Seamless History of Borno (1902–1960)*. *History in Africa*, Vol. 40, pp. 77-98.
- Law W.S. (2009). *Collaborative Colonial Power: The Making of the Hong Kong Chinese*. Hong Kong University Press, HKU, 276 p.
- Abdrakhim M.Ye., Tuleshova U.Zh. (2019). Voprosy «china» i nagrad Rossiyskoy imperii v kazakhskom ustnom narodnom tvorchestve [Issues of “rank” and awards of the Russian Empire in the Kazakh oral folk art] // <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1277>

Sultangaliyeva G.S. (2009). Kazakhskoye chinovnichestva Orenburgskogo vedomstva: formirovaniye i napravleniye deyatel'nosti (XIX) [Kazakh bureaucracy of the Orenburg department: formation and direction of activity (XIX)] // Acta Slavica Iaponica, Tomus 27, pp. 77-101.

Sultangaliyeva G.S. (2016). Mladshiye chinovniki osobykh porucheniy v sisteme administrativnogo upravleniya Kazakhskoy step'yu vo vtoroy polovine KHÍKH v.: chiny, funktsii i napravleniya deyatel'nosti [Junior officials of special assignments in the system of administrative management of the Kazakh steppe in the second half of the 19th century: ranks, functions and activities]. Vestnik KazNPU. Seriya «Istoricheskiye i sotsial'no-politicheskiye nauki», №1 (48). pp. 71-75

Uderbayeva S.K. (2016). Deyatel'nost' i polnomochiya kazakhskogo chinovnichestva Turkestanskogo general-gubernatorstva [Activities and powers of the Kazakh officials of the Turkestan Governor General] // <http://edu.e-history.kz/en/publications/view/543>

Uderbayeva S.K. (2014). Integratsiya kazakhskikh chinovnikov v administrativnyy apparat upravleniya Rossiyskoy imperii (XÍX-XX vv.) [Integration of Kazakh officials into the administrative apparatus of the Russian Empire (XIX-XX centuries)]. Doklady Natsional'noy akademii nauk Respubliki Kazakhstan. №3. pp. 171-175.

Uderbayeva S.K. (2017). Osobennosti sotsial'nogo polozheniya volostnykh upraviteley Semirechenskoy oblasti [Features of the social status of the volost governors of the Semirechensk region]. Vestnik Natsional'noy akademii nauk Respubliki Kazakhstan. № 3. pp. 277-285.

TsGA RK. F.I-44. OP.1. D.1211.

TsGA RK. F.I-44. OP.1. D.1804.